

СКУРАТ К.Е.,
 профессор Московской Духовной Академии,
 доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада

I. ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО КАССИАНА

Иоанн со вздохом отвечал: "Я никогда не исполнял своей воли и никого не научал тому, чего сам не делал". (Из предсмертного наставления аввы Иоанна в изложении преподобного Кассиана. — 66.)¹

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин родился (ок. 350 г.) в Марселе Галльской области — в Западной Римской империи. Отсюда произошло и название его «Римлянин». Хорошо владевший латинским и греческим языками, преподобный Кассиан стал крепким связующим звеном христиан Запада и Востока. Духовное богатство Востока он переносил в сокровищницы Запада, представляя и там полнейший опыт аскетике, монашеских идеалов, выработанных и утвержденных подвижниками Египта и Палестины. В своем личном богословии он соединил спекулятивно-теоретическое воззрение Востока с реально-практическим направлением Запада. Много и долго подвизался он и на Востоке, и на Западе. Поэтому в равной степени почитается и здесь, и там. Можно сказать, что преподобный Кассиан Римлянин — святой отец и Восточной Церкви и Западной.

В юности преподобный Кассиан прибыл в Палестину, где в Вифлеемском монастыре принял монашество и получил первые наставления в подвижничестве. Но здесь задержался ненадолго. После двухлетнего подвига он, побуждаемый к новым духовным со-

вершениям, отправился вместе со своим другом, отныне неразлучным, аввой Германом в монастыри Египта². «Посещая все славные монастыри в нижнем и верхнем Египте, они, как пчелы, собирая все лучшее, что видели в монастырских постановлениях и примерах жизни строгих подвижников, с более просвещенными и опытными старцами входили в собеседования о разных духовных предметах, которые старались усвоить» (III). Высота жизни египетских подвижников настолько пленила «духовных странников», что они готовы были навсегда остаться среди них, и лишь обещание в Вифлееме о скором возвращении туда «по обозрении египетских монастырей» (III-IV) понудило их оставить Египет. Впрочем, они провели там в подвигах и беседах семь лет. В Вифлееме они пребывали недолго — и снова отправились к увлекшим их духовной мудростью и святой жизнью аввам Фиваиды и Скитской пустыни. На сей раз они прожили в египетских пределах около трех лет.

В 400 году друзья отправляются в Константинополь. Главной их целью было увидеть и услышать знаменитого учителя Святой Церкви святителя Иоанна Златоуста, слава о котором распространялась везде. Святитель оценил их духовные стремления и преподобного Кассиана рукоположил во диакона, а Германа, как старшего возрастом, — во пресвитера. По достоинству они были приняты в Константинополе и предан-

¹ Стоящая в скобках цифра (или цифры) указывает страницу творений преподобного Кассиана по книге: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Перевод с латинского. Сергиев Посад, 1993.*

² Преподобный Кассиан именует Германа «святым аввой» и свидетельствует: с ним «у меня с самого начала монашеской жизни, с первых опытов духовного воинствования было нераздельное пребывание как в киновии, так и в пустыне, так что все для означения дружества и одинакового намерения нашего говорили, что в двух телах находятся один ум и одно сердце» (167).

ІРП ІОАННА КАССІ
АІХ РІМЛЯНИНА

ными святителю Иоанну служителями Церкви Божией. Об этом свидетельствует уже то, что когда враги святителя подняли на него гонение, преподобный Кассиан и Герман были введены в состав делегации, направленной в Рим к папе Иннокентию с ходатайством о защите невинного изгнанника и страдальца. Миссия эта не увенчалась успехом — святитель Иоанн был отправлен в ссылку. Более того, опала обрушилась и на всех друзей великого святителя. Потому преподобный Кассиан, посетив еще раз восточных подвижников для закрепления в сердце их наставлений, вернулся в свои родные края, в Марсель, в область папы, где был посвящен во пресвитера и где завершил свои земные дни († 435).

Недалеко от города Массилии преподобный Кассиан основал два первых монастыря — мужской и женский — по правилам палестинских и египетских киновий. Вследствие сего его относят к первым основателям монашества в Галлии. Вероятно, за устройство этих монастырей, за введенные в них порядки, послужившие потом образцом дисциплины в прочих западных монастырях, преподобный Кассиан удостоен почетного звания аббата, прилагаемого лишь к достойнейшим, совершеннейшим мужам.

Как западного святого отца преподобного Кассиана торжественно чтут в Массилии 23 июля. На Востоке же возносят ему молитвы 29 февраля (под этим чис-

лом см. в Четьих-Минеях его Житие). В невысокие годы церковная память Преподобного в Русской Православной Церкви переносится на 28 февраля.

II. ТВОРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Теперь предлагаем, при помощи Божией... извиняясь сначала в обширности книги, которая, при всем нашем старании сократить повествуемое не только сжатою речью, но и многое пройти молчанием, вышла гораздо больше, нежели как мы предполагали (Преподобный Кассиан. Из 1-й главы к 9-му Собеседованию. — 323.)

Творения преподобного Кассиана вошли в сокровищницу святоотеческой литературы, представив западному монашеству полнейшее изложение аскетики в духе воззрений подвижников Востока. Уже святой Бенедикт Нурсийский (†543) использует их в своем уставе (“Правиле монашеской жизни”) и заявляет, что они “суть начертания добродетелей для добре живущих” и ведут “на верх совершенства”³. Давно они были известны и у нас на Святой Руси ее подвижникам и ревнителям иноческого чина, например, преподобному Нилу Сорскому (†1508)⁴. Но не все творения преподобного Кассиана сохранились. До нас дошли только три: 1. “О постановлениях киновитян” — в двенадцати книгах (написано в 417–419 гг.); 2. “Собеседования египетских подвижников” — двадцать четыре собеседования с пятнадцатью аввами разных монастырей (написано в 420–429 гг.) и 3. “О воплощении Христа против Нестория” — семь книг (написано в 430 г.).

Последнее из названных творений преподобного Кассиана особого интереса не представляет, так как является данью полемики своего времени. Написано оно было по просьбе архидиакона Римской Церкви Льва, впоследствии известного римского святителя (†461), и содержит святоотеческие мысли против еретика Нестория, а также и против пелагианской ереси. Интересным оно может быть для тех, кто желает узнать об отношении преподобного Кассиана к суждениям богословов Востока и Запада.

Значительно больше привлекают к себе первые два творения, мудро соединившие киновию с анахоретст-

³ Устав преподобного Венедикта. Гл. 73. Цит. По книге: *Святитель Феофан (Говоров)*. Древние иноческие уставы преподобного Пахомия Великого, святого Василия Великого, преподобного Иоанна Кассиана и преподобного Венедикта. М., 1892. С. 653.

⁴ См.: *Преподобный Нил Сорский*. Предание и Устав. Вступительная статья М.С. Боровковой-Майковой. 1912. Впрочем, преподобный Нил, в основном, ссылается на суждения преподобных Исаака Сирина (VII), Иоанна Лествичника (†649) и Григория Синаита (ок. †1346).

вом и поставившие аскетизм на служение Богу и людям, на службу любви. Потому-то они были сочленены в одну книгу в переводе на русский язык (М., 1892) и недавно, в 1993 г., опубликованы Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой в репринтном издании.

Из введения к творению "О постановлениях киновитян" явствует, что этот труд был исполнен по просьбе епископа Аптского Кастора. Этот епископ, основав в своей епархии монастыри, пожелал устроить их по правилам монастырей восточных, преимущественно египетских. Естественно, что он обратился за содействием к Преподобному. В ответ на это обращение преподобный Кассиан, отметив по своему глубокому смирению недостойность и страх перед выполнением просьбы, рисует план своего труда. "Здесь я, — пишет он епископу Кастору, — не буду говорить о тех чудесах отцов, о коих я слышал или коих был свидетелем, потому что чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни; но только, сколько возможно вернее, расскажу о правилах монастырских, о происхождении восьми главных пороков и о том, как можно, по учению отцов, искоренить сии пороки... Лучше тех монастырей (т.е. египетских и палестинских. — К.С.), которые с начала апостольской проповеди основаны святыми и духовными отцами, не может быть никакого нового братства на западе в стране Галлии... Если замечу, что какие-нибудь правила египетских монастырей будут здесь неисполнимы... то, сколько возможно, заменю их правилами монастырей палестинских или месопотамских, потому что если правила будут соразмерны с силами, то их можно будет исполнять без труда и с неравными способностями" (8).

Этому плану Преподобный и следует. Сказав в первых четырех книгах о внешнем укладе монастырей: о монашеской одежде (кн. 1), об общих молитвах ночью и днем (кн. 2 и 3), о правилах для отрекающихся от мира и о безусловном послушании по уверенности, что старец ничего ненужного не прикажет (кн. 4), Преподобный переходит к изображению борьбы против восьми главных пороков — страстей, посвящая описанию каждой из них отдельную книгу: о чревобезии или чревонеистовстве (кн. 5), блуде (кн. 6), корыстолюбии (кн. 7), гневе (кн. 8), печали (кн. 9), унынии или тоске сердца (кн. 10), тщеславии (кн. 11) и о гордости (кн. 12), хотя и последней "по порядку исчисления", но первой по времени происхождения, самой лютой, "свирепее всех предыдущих" страстей (143).

"Собеседования египетских подвижников" направлены к разным лицам. Первые десять Собеседований семи святых отцов посвящены родному брату епископа Аптского Кастора — епископу Леонтию (к тому времени скончавшемуся) и Елладию. Возможно, что Леонтий был епископом Аптским — преемником брата, а Елладий — настоятелем одного из монастырей. В предисловии к этим десяти Собеседованиям препо-

добный Кассиан напоминает содержание прежнего своего творения ("О постановлениях киновитян") и в общих словах указывает на то, о чем он намерен свидетельствовать сейчас: "Теперь от внешнего, видимого образа жизни монахов, который мы описали в первых книгах, перейдем к невидимому состоянию внутреннего человека, и речь от чина установленных молитв должна перейти к постоянству той непрестанной молитвы, которую заповедует Апостол (1 Сол. 5,17)" (166). Здесь преподобный Кассиан делает весьма важную оговорку, касающуюся всех его творений. "Прежде всего, — заявляет он от себя и своего друга Германа, — мы хотим предостеречь читателя как этих Собеседований, так и прежних писаний, чтобы, если по качеству своего состояния и намерения, или по общему житию, может быть, что-нибудь в них почтет невозможным и суровым, судил бы о них не по мере своей способности, а по достоинству и совершенству говорящих" (166).

Немного времени спустя после появления первых десяти Собеседований преподобный Иоанн Кассиан пишет епископу Арелатскому Гонорату и Евхерию (вероятно, настоятелю монастыря, впоследствии епископ Лионский) семь Собеседований трех святых отцов пустынножителей, "чтобы этими Собеседованиями восполнить то, что в прежних писаниях о совершенстве, может быть, темно выражено или опущено" (367).

Последние семь Собеседований пяти святых отцов, обитавших в пределах Нижнего Египта, преподобный Кассиан направляет "святым братьям (вероятно, настоятелям монастырей, как можно заключить из предисловия. 495–496) Иовиниану, Миневию, Леонтию и Феодору, дабы вступающие в святые обители "навыкли" устроить образ подвижнической жизни "лучше по заповеди тех, которые научились всему из древнего предания и долговременного опыта" (496). Тематика всех "Собеседований египетских подвижников" такова:

1) О намерении и цели монаха. "Конец нашего обета, — поясняет старец, — есть Царство Божие, а назначение наше, т.е. цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть оно конца" (169);

2) О [духовной] рассудительности. Подается рассудительность благодатью Божией и учит "человека идти царским путем, удаляясь крайностей" (189,190);

3) О трех отречениях от мира. Они следующие: первое — оставление всех богатств и стяжаний мира; второе — уход от прежних нравов и пороков как телесных, так и душевных, и третье — отвлечение ума от всего настоящего и видимого и созерцание, желание только будущего, невидимого. "Эти три отречения все вместе совершить повелед Господь Аврааму, когда сказал ему: *Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12,1)" (208);

4) О борьбе плоти и духа, как явлении, присущем

человеку в его земном пути, и о правильном ведении этой борьбы с помощью благодати Божией. Иногда Господь для нашей же пользы временно оставляет нас. Такое оставление Божие святой пророк Давид считал настолько полезным, что не молился о том, чтобы Господь никогда и ни в чем не оставлял его совершенно, а лишь просил, чтобы это оставление было в меру, по силам: *Не остави мене до зела* (Пс. 118,8). “Другими словами, он как бы так говорил: знаю, что Ты для пользы оставляешь святых Твоих, чтобы испытать их; ибо иначе враг не мог бы искушать их, если бы, хотя на время, они не были оставляемы Тобою! Потому не прошу того, чтобы Ты никогда не оставлял меня... Сколько спасительно для меня кратковременное Твое оставление для испытания постоянства любви моей, столько пагубно оставление конечное” (227);

5) О восьми главных страстях. Здесь преподобный Кассиан рассматривает страсти, восстающие на подвижника, в той же последовательности, как он делает это и в своем первом творении “О постановлениях киновитян” (см. кн. 5–12). К восьми главным порокам он присоединяет еще два: идолопоклонство и хулу. Когда пороки будут побеждены “добродетелями, воюющими против них, то место, которое занимал в нашем сердце дух похоти или блуда, потом займет целомудрие; какое захватила ярость, то присвоит терпение; какое занимала скорбь, причиняющая смерть, там возобладает спасительная печаль полная радости; какое попирала гордость, там почует смирение, и, таким образом, по изгнании каждого порока места их займут противоположные расположения, — добродетели” (258-259).

6) Об умерщвлении святых. Внезапное убиение сарацинскими разбойниками мужей высокой святости, подвизавшихся в пустыне Палестины, послужило поводом к размышлению о насильственной — страдальческой кончине праведника при постоянном действии Промысла Божия. “Муж праведный чрез смерть ничего не теряет... но что должно было приключиться ему по требованию природы, тому он подвергается по злобе врага не без награды в вечной жизни”. Мученик приобретает “обильнейший плод за свое страдание и мзду великого воздаяния”. Убийца же “справедливо накажется за зверскую жестокость” (266-267);

7–8) Немалое внимание уделяет преподобный Кассиан демонологии: действиям злых духов, их влиянию на человека. (О непостоянстве души и о злых духах; О начальствах и властях). Тех людей, которые подвергаются разным искушениям или которые даже одержимы нечистыми духами, не должно отвращаться и презирать. За них подобает непрестанно молиться и сострадать им всей душой. “А святое Причащение нашими старцами не запрещалось им, напротив, они думали, что, если бы возможно было, даже ежедневно надобно преподавать им его. Ибо не должно ду-

мать, что по изречению Евангельскому (которое неверно пытаются приложить к сему. — К.С.): *Не дадите святыни псам*, — будто святое Причащение поступает в пищу демону, а не в очищение и охранение тела и души. Будучи принято человеком, оно, как пламя пожигающее, прогоняет того духа, который в его членах заседает или скрывается” (300-301);

9–10) Девятое и десятое Собеседования (О молитве) посвящены молитве: раскрытию условий ее успешности, видов молитвы в соответствии с состоянием молящихся. “Если хотим, чтобы молитвы наши восходили не только до небес, но и превыше небес”, то должны очистить ум наш “от всех земных пороков и скверны страстей” (326). Для приобретения непрестанной молитвы рекомендуется частое повторение слов святого Псалмопевца: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69,2). Этот стих “по достоинству выбран из всего состава Священного Писания. Ибо он объемлет все расположения, какие только могут относиться к природе человеческой и прилично прилагается ко всякому состоянию и всем случаям. Именно он заключает призывание Бога во всех опасностях, заключает смирение благочестивого исповедания, заключает постоянное бодрствование с заботливостью и страхом, содержит сознание своей слабости, чаяние услышания, надежду на настоящую и всегда присущую помощь” (357);

11) О совершенстве. Предлагается наставление о всецелой любви к Богу как высшему проявлению духовного совершенства. “Мы не иначе можем достигнуть сего истинного совершенства, как возлюбивши Бога единственно по побуждению любви, а не по чему-либо другому; поелику и Он прежде возлюбил нас единственно ради нашего спасения, а не по какой-либо другой причине” (373). “Что касается любви, то она ... из совершенных делает их некоторым образом более совершенными” (378);

12) О чистоте. В смысле совершеннейшего целомудрия — служит как бы дополнением к предшествующей беседе. Совершенство любви, приводящей к богоуподоблению, “не может быть достигнуто без совершенства чистоты” (381). “Совершенство целомудрия состоит в том, чтобы монах в бодрственном состоянии не допускал никакого услаждения похотью, чтобы, и покоясь во сне, не имел обольстительных грез” (400);

13) О покровительстве Божиим (или о том, как благодать Божия содействует совершению добрых дел). В данном Собеседовании подчеркивается необходимость помощи Божией труженику в его подвиге. Без благодати Божией человек “ничего не может сделать относительно своего спасения” (405);

14) О духовном знании. В нем указывается, что лучший путь к уразумению духовных истин лежит в нравственном опыте христианина. “Кто желает достигнуть созерцания Бога, тому необходимо со всем

усердием и силою сначала приобрести деятельное знание" (420). "Невозможно нечистой душе приобрести духовное знание, с каким бы постоянством ни трудилась в чтении. Ибо никто не вливает какую-либо благородную масть, или отличный мед, или какую-нибудь драгоценную жидкость в зловонный, испорченный сосуд. Кувшин, однажды пропитанный страшным зловонием, легче испортит даже самое благоуханное миро, нежели сам примет от него сколько-нибудь приятное благоухание; поелику гораздо скорее чистое повреждается, нежели испорченное исправляется" (434);

15) О Божественных дарованиях. Здесь показано, что сила дарований состоит не в чудесах, а в смирении и чистой любви. Поэтому-то святые отцы "не желали творить чудес; даже и тогда, когда имели сию благодать Святого Духа, они не желали обнаруживать ее, разве только в случае крайней и неизбежной необходимости" (441);

16) О дружестве. Видов дружбы, разным образом соединяющих человеческий род, множество. Но только один из них нерасторжим — тот, который основывается на сходстве добродетелей. "Совершенно справедливо мнение благоразумных мужей, что истинное согласие и неразрывное дружество может состояться только между людьми, имеющими одинаковые добродетели и намерения" (467);

17) Об определении. Здесь уделяется внимание таким случаям, которые в Нравственном богословии именуется *collisio officiorum*, и даются указания, как следует поступать в этих случаях. "Когда за открытие истины угрожает какая-нибудь большая опасность, — наставляет преподобный Кассиан словами аввы Иосифа, — тогда можно прибегнуть к обману, впрочем, так, чтобы при этом иметь смиренное сознание своей виновности. А когда нет крайней необходимости, то со всей осторожностью надобно избегать лжи, как смертоносной" (477). "Наши старцы, о вере которых свидетельствуют знамена апостольских добродетелей... полагали... лучше скрывать свою воздержность необходимою и смиренною ложью, нежели обнаруживать ее гордым объявлением истины" (485);

18) О трех древних родах монахов. На самом деле в собеседовании рассматривается их четыре: а) кинови-тяне (общежительные), б) анахореты (отшельники), в) сарабиты (отвергающие подчиненность игумену и правилам монашеского общежития, живущие по своей воле и на своем иждивении) и г) ищущие отдельные уединенные кельи, но так, чтобы "почитаться от людей" за свою жизнь. "Такое установление, — замечается в Собеседовании о последнем роде монахов, — такая холодность никогда не допустят им прийти к совершенству" (503);

19) О цели киновии и пустынножительства. Цель киновии состоит в распятии и умерщвлении своей воли, в освобождении от мирских забот. А совершенство пустынножителя состоит в том, чтобы соединить

со Христом свой дух, "сколько позволяет человеческая слабость" (521);

20) О времени прекращения покаяния и об удовлетворении за грехи. Это рассуждение о том, когда, каким образом человек может почувствовать себя оправданным, что он должен делать для удовлетворения за прощенное. "В совести нашей есть неложный свидетель, который еще прежде суда уверяет нас об окончании покаяния и дарованиям прощения". Если истреблено в сердце греховное желание, значит, прежние грехи прощены (532). Но "получивший прощение грехов должен удовлетворять за них ежедневными постами и умерщвлением плоти и страстей, ибо, по словам Священного Писания, *без пролития крови не бывает оставления* (Евр. 9,22)" (535);

21) О льготах в Пятидесятницу. Здесь говорится о сем предмете в смысле ослабления строгости поста на время от Воскресения Господа нашего Иисуса Христа до Сошествия Святого Духа на святых Апостолов. Высказывается также взгляд на значение поста в духовной жизни. "Один пост без других добродетелей не может принести пользы... От случайных причин он бывает не только напрасен, но даже ненавистен Богу, как об этом Он Сам свидетельствует у Иереми: *Поститься будут, не услышу прошения их* (Иер. 14,12)" (549);

22) О ночных искушениях. В этом Собеседовании решается вопрос, смущавший совесть подвижников. В связи с этим определяется различие между святыми и безгрешными. Между ними "большое различие. Ибо иное быть кому-нибудь святым, т.е. посвященным богопочтению, ибо это имя, по свидетельству Священного Писания, есть общее не только людям, но и местам, и сосудам храма, и жаровням. А другое быть без греха, что приличествует единственно величию одного Господа нашего Иисуса Христа, о Котором Апостол говорит, присвояя Ему как особенное преимущество, как нечто несравненное и Божественное: *Он не сделал никакого греха* (1 Петр. 2,22)" (575-576);

23) О словах Апостола: *добра, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю*. Дается глубокое изъяснение этих слов святого апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 7, ст. 19-25). По утверждению преподобного Кассиана, приведенные слова относятся только к праведникам, а не к порочным людям. "Сказанное относится к одним совершенным и пристойно святости только тех, которые оказали заслуги апостольские" (583). Весьма ценно здесь рассуждение преподобного Кассиана о Таинстве святого Причащения. Как и в седьмом Собеседовании, он, завершая и сие двадцать третье Собеседование, призывает всех насколько возможно чаще принимать Святые Тайны, отмечая необходимость их для спасения. "Мы не должны устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем

себя грешниками; но еще более и более с жадною надобно поспешать к нему для уврачевания души и очищения духа... Некоторые... живя в монастырях, достоинство, освящение и благотворность небесных Таинств оценивают так, что думают, что принимать их должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказывают, нежели смирения, как им кажется; потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. А гораздо правильнее было бы, чтобы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святым Таин, в каждый Господский день принимали их для уврачевания наших недугов" (605);

24) О самоумерщвлении. Здесь говорится о трудностях и радостях "царского" подвижнического пути. "По истинному учению Господа, царский путь приятен и легок, хотя и кажется жестким и шероховатым. Ибо когда благочестно и верно служащие понесут на себе иго Господне и научатся от Него, что Он кроток и смирен сердцем, то уже, некоторым образом сложив тяжесть земных страстей, при содействии Господа, найдут не труд, а покой душам своим... Следовательно, путь Господень имеет приятность, если по закону Его проходят" (628).

Заканчивает свои Собеседования преподобный Иоанн Кассиан обращением к слушателям и читателям: "Остается просить, чтобы меня, доселе колеблемого опасною бурей, духовное веяние ваших молитв сопровождало к безопасной пристани безмолвия" (633).

Знакомство с содержанием Собеседований преподобного Кассиана позволяет сделать вывод, что первые десять из них, написанные раньше — в период острой борьбы с пелагианством, умалявшим действие благодати Божией на человека, — подчеркивают ее необходимость в деле спасения. Собеседования же, появившиеся позже (после 427 г.), когда стали распространяться взгляды блаженного Августина Иппонского, принижавшего активность человека, поддерживают эту активность и обращают особое внимание на значение усилий человека в деле своего спасения при непрерывном действии и благодати Божией. Усматривать здесь противоречие в суждениях преподобного Кассиана несправедливо, ибо он лишь переносит акцент с одной стороны на другую.

Что касается формы изложения Собеседований, как будто преподобный Кассиан высказывает не свои наставления, а египетских подвижников, то объясняется она подлинным смирением святого⁵. Этим же следует

объяснить и то, что на протяжении всех Собеседований вопрошающим всех пятнадцати авв выступает не он сам, а его друг и спутник инок Герман. Только изредка он свидетельствует и о своем участии, но опять-таки не выделяя себя, когда говорит: "Мы в ответ на это сказали; мы это сделали для Царства Небесного" (168). "Мы пришли в его (аввы Пафнутия. — К.С.) келлию" (204). "Мы спросили этого блаженного Даниила" (224) и т.д.

* * *

Рассмотрев важнейшие творения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, можно с уверенностью повторить то, что было отмечено в самом начале данного обозрения: преподобный Иоанн представил в них полнейший опыт аскетике, монашеских идеалов, выработанных и утвержденных подвижниками Египта и Палестины.

Сначала преподобный Кассиан в ответ на просьбу Кастора, епископа Аптского, представил творение "О постановлениях киновитян". В первой части его (1–4 книги) говорится о внешних правилах монастырского подвига, а во второй (5–12 книги) — об опаснейших пороках. В другом творении, превосходящем все его прочие письменные труды, в форме бесед (Собеседований) изложил многостороннее суждение о внутренней жизни подвижника. В последнем, по-преимуществу, усматривается оригинальность труда, самостоятельность, новизна.

Рассматриваемую тему можно завершить словами вдумчивого исследователя его творений архимандрита Феодора (Поздеевского)⁶: "В рассуждении об указанных предметах преподобный Иоанн Кассиан сумел коснуться и выяснить все стороны и вопросы подвижнической жизни, чем дал прекрасное удовлетворение аскетическим запросам того времени, которые были очень сильны на западе среди христианского, а частью и языческого общества, увлекавшегося мистицизмом"⁷.

(Продолжение следует)

зять суетность вредного тщеславия, если станем говорить истину от своего лица" (486. См. с. 485).

⁶ Впоследствии архиепископ Волоколамский (в схиме Даниил). Скончался в конце сороковых годов текущего века.

⁷ *Архимандрит Феодор (Поздеевский)*. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. (Его жизнь и богословско-аскетические воззрения). Казань, 1908. С. 10.

⁵ Ср. следующее свидетельство 17-го Собеседования: "Ибо правильнее будет под таким видом солгать, нежели... выска-